ВООБРАЖАЕМАЯ (НЕАРИСТОТЕЛЕВА) ЛОГИКА.

I.

Задача настоящей статьи—показать, что возможна иная логика и другія логическія операціи, чѣмъ тѣ, которыми мы пользуемся, показать, что наша аристотелевская логика есть только одна изъ многихъ возможныхъ логическихъ системъ. Эта новая логика не будетъ новымъ изложеніемъ старой логики, она будетъ отличаться не въ изложеніи, а въ самомъ ходѣ логическихъ операцій; это будетъ „новая логика“, а не новое сочиненіе по логикѣ.

Различныя сочиненія по логикѣ различаются своимъ содержаніемъ, но предметъ ихъ всегда одинъ и тотъ же: нашъ логическій міръ, наши логическія операціи. Воображаемая (неаристотелева) логика будетъ отличаться отъ нашей логики, которую я буду называть аристотелевой, по имени ея перваго систематизатора, самымъ предметомъ своимъ.

Предметъ воображаемой (неаристотелевой) логики будетъ иной логическій міръ, иныя логическія операціи, чѣмъ наши. Формулы обѣихъ логикъ будутъ находиться въ контрадикторномъ отношеніи: истинность формулъ воображаемой логики исключаетъ истинность формулъ нашей аристотелевой логики и обратно. Поэтому онѣ обѣ не могутъ быть истинны для одного и того же міра; если аристотелева логика истинна для нашего міра, то неаристотелева логика можетъ быть истинна только въ какомъ-нибудь другомъ мірѣ. Вотъ это контрадикторное, исключающее отношеніе между обѣими логиками, эта разница не только въ содержаніи, но и въ предметѣ логики и послужили причиной обозначенія „новой логики“, какъ неаристотелевой. Называя ее воображаемой, мы хотѣли обозначить другую ея особенность. Наша логика есть логика реальности въ томъ смыслѣ, что она является орудіемъ для познанія этой реальности и благо-

даря этому находится въ самомъ тѣсномъ отношеніи къ реальности. Новая логика лишена этого отношенія къ нашей реальности, она является чисто идеальнымъ построеніемъ. Только въ иномъ мірѣ, чѣмъ нашъ, въ воображаемомъ мірѣ (основныя свойства котораго, впрочемъ, мы можемъ точно опредѣлить) воображаемая логика могла бы стать орудіемъ познанія.

Не трудно видѣть, что эти обозначенія аналогичны обозначеніямъ той „новой геометріи", которую создалъ Лобачевскій. Онъ назвалъ ее воображаемой геометріей, впослѣдствіи за ней утвердилось наименованіе неевклидовой. Этой аналогіи наименованій соотвѣтствуетъ и внутренняя аналогія между неаристотелевой логикой и неевклидовой геометріей, логическое тожество метода въ обѣихъ.

Неевклидова геометрія есть геометрія безъ 5-го постулата Эвклида, безъ такъ называемой аксіомы о параллельныхъ линіяхъ. Неаристотелева логика есть логика безъ закона противорѣчія. Здѣсь не лишнимъ будетъ добавить, что именно неевклидова геометрія и послужила намъ образцомъ для построенія неаристотелевой логики.

Абсурдной должна казаться самая мысль объ иной логикѣ, чѣмъ наша, объ нѣсколькихъ логикахъ, абсурдной потому, что мы такъ свыклись съ мыслью объ одной, одинаковой для всѣхъ логикѣ, что не можемъ представить себѣ противоположнаго. Однако это только психологическое объясненіе нашей увѣренности въ единственности логики, но никто еще не доказалъ такой единственности. До Лобачевскаго такой же абсурдной казалась и мысль объ иной геометріи, чѣмъ наша, однако теперь неевклидова геометрія получила всеобщее признаніе. Мы просто привыкли вѣрить въ единственность логики. Мы вѣримъ въ единую логику совершенно такъ же, какъ народъ, находящійся на начальной ступени культурнаго развитія, вѣритъ въ то,

нахъ одно и то же человѣчество имѣетъ различныя юридическія и моральныя нормы. Почему же не представить себѣ, что у различныхъ разумныхъ существъ различны тѣ нормы, при соблюденіи которыхъ мышленіе признается правильнымъ?

Наконецъ третій основной взглядъ на логическіе законы (напр., Гуссерля) видитъ въ нихъ идеальныя истины, которыя вѣрны независимо отъ психологическаго способа ихъ осуществленія въ сознаніи. При такомъ пониманіи законы логики сближаются съ аксіомами математики. Но при такомъ пониманіи никакъ невозможно отстаивать единственность логики. Именно математика даетъ намъ строго научные примѣры воображаемыхъ дисциплинъ, какъ, напримѣръ, ту же неевклидову геометрію. Математика на каждомъ шагу имѣетъ дѣло съ обобщеніемъ своихъ операцій и съ расширеніемъ поля своихъ объектовъ. Такимъ путемъ она переходитъ, напримѣръ, отъ дѣйствительнаго числа къ числу мнимому или воображаемому. Нельзя извлечь квадратный корень изъ отрицательнаго числа, ибо всякое дѣйствительное число, возведенное въ квадратъ, даетъ въ результатѣ число положительное, но математикъ, вводя число мнимое или воображаемое, извлекаетъ квадратный корень изъ отрицательнаго числа и придаетъ болѣе общій характеръ операціи извлеченія корня. Совершенно такъ же, какъ обобщаются математическія операціи, такъ могутъ обобщаться и логическія операціи, и въ обоихъ случаяхъ это обобщеніе можетъ вести къ созданію воображаемыхъ объектовъ.

Итакъ, какой изъ трехъ главныхъ взглядовъ на логическіе законы мы ни объявили бы вѣрнымъ, все равно, изъ каждаго на свой ладъ, вытекаетъ возможность существованія иной логики, чѣмъ наша. Эта возможность вытекаетъ также изъ 4-го взгляда, стараго, теперь почти оставленнаго взгляда Милля, по которому законы логики суть обобщенія изъ опыта. Если это такъ, то тѣмъ болѣе можемъ мы вообразить себѣ міръ, гдѣ обобщенія изъ опыта, а значитъ и логика будутъ иными, чѣмъ у насъ.

Поэтому для нашей цѣли споръ о природѣ законовъ мышленія не имѣетъ большого значенія; при всякомъ рѣшеніи этого спора мы должны придти къ выводу о возможности иной логики, чѣмъ наша. Поэтому, мы этимъ споромъ, очень сложнымъ и труднымъ, сейчасъ и не будемъ заниматься.

Возможность существованія иной логики, чѣмъ наша, можетъ быть доказана и другимъ способомъ.

Если бы все содержаніе логики аналитически заключалось въ

одномъ какомъ-нибудь положеніи или опредѣленіи логики, тогда, конечно, была бы невозможна никакая иная логика. Все содержаніе логики вытекало бы заразъ изъ этого одного положенія, и ничто не могло бы быть измѣнено въ этомъ содержаніи логики безъ нарушенія основного логическаго принципа, а значитъ и логики вообще.

Но допустимъ, что не все содержаніе логики вытекаетъ изъ одного логическаго положенія и изъ опредѣленія логическаго, что логика сводится къ нѣсколькимъ далѣе не сводимымъ положеніямъ, что логика возникаетъ не изъ простого анализа опредѣленія логики, а изъ синтеза нѣсколькихъ самостоятельныхъ аксіомъ. Тогда мы можемъ допустить такой случай. Мы сохраняемъ однѣ аксіомы логики и отбрасываемъ нѣкоторыя аксіомы, которыя являются синтетическимъ добавленіемъ къ первымъ. Въ силу допущенной самостоятельности аксіомъ, слѣдствія удержанныхъ нами аксіомъ сохранятъ свою силу и въ этомъ случаѣ и дадутъ намъ возможность построить логику безъ отбрасываемыхъ аксіомъ.

Для логики вѣренъ какъ разъ этотъ 2-й случай, логика получается, какъ синтезъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ аксіомъ [1]). Этому соотвѣтствуетъ и традиціонное признаніе 4-хъ самостоятельныхъ законовъ мышленія (тожества, противорѣчія, исключеннаго третьяго и достаточнаго основанія). Поэтому, видя въ логикѣ синтезъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ аксіомъ, мы должны придти къ тому выводу, что вполнѣ мыслимо отбрасываніе нѣкоторыхъ аксіомъ и построеніе логики безъ нихъ.

Совершенно также и построеніе неевклидовой геометріи возможно только потому, что 5-й постулатъ Евклида есть аксіома, а не теорема, для которой еще не найдено доказательство, какъ это думали до Лобачевскаго. Неевклидова геометрія возможна потому, что отбрасываемая аксіома о параллельныхъ линіяхъ несводима на остальныя евклидовы аксіомы, которыя сохраняются въ неевклидовой геометріи. Въ свою очередь построеніе Лобачевскимъ системы воображаемой

ло доказательствомъ этой самостоятельности 5-го
димости къ другимъ аксіомамъ. Можно сказать,
постулата есть ratio essendi неевклидовой гео-
ова геометрія есть ratio cognoscendi аксіоматич-
.

геометріи и послуж
постулата, его несв
аксіоматичность 5-г
метріи, а неевклид
ности 5-го постулат

тельствомъ этого можетъ служить математическая логика,
ъ *нѣсколько* аксіомъ и постулатовъ.

[1]) Изящнымъ доказ
въ основѣ которой лежи

картину, я могу сказать, что ожидаемой картины дѣйствительно нѣтъ. Пока я не имѣю отъ рюмки съ безцвѣтной жидкостью никакихъ опредѣленныхъ вкусовыхъ ощущеній, когда у меня отсутствіе вкуса воды, я не могу утверждать, что это не вода; только, когда я попробовалъ и получилъ вкусовое ощущеніе водки, исключающее возможность того, чтобы въ рюмкѣ была вода, только тогда я могу сказать: въ рюмкѣ не вода. Такимъ образомъ отсутствіе только тогда можетъ служить основаніемъ для отрицательнаго сужденія, когда оно сводится къ несовмѣстимости. *Вообще можно утверждать, что единственнымъ логическимъ основаніемъ отрицанія является несовмѣстимость.*

Всѣ отрицательныя сужденія о предметахъ и воспріятіяхъ нашего міра получаются, какъ выводы изъ положеній о несовмѣстимости двухъ признаковъ. Я не могу видѣть непосредственно, что данный предметъ не бѣлаго цвѣта. У насъ нѣтъ отрицательныхъ ощущеній, ощущенія „не бѣлаго“. Я могу имѣть только опредѣленныя положительныя ощущенія краснаго, синяго, чернаго и т. д. Когда я утверждаю, что предметъ не бѣлаго цвѣта, то я несомнѣнно сдѣлалъ выводъ. Я *видѣлъ*, что предметъ краснаго цвѣта, и *вывелъ*, что предметъ не бѣлаго цвѣта, *зная*, что красное не можетъ быть бѣлымъ. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ выводомъ, а именно съ силлогизмомъ 1-ой фигуры. Красное не можетъ быть бѣлымъ (большая посылка). Этотъ предметъ краснаго цвѣта (малая посылка). Значитъ этотъ предметъ не бѣлаго цвѣта (заключеніе). Подобнымъ же образомъ получаются и всѣ вообще отрицательныя сужденія о предметахъ, воспріятіяхъ или фактахъ. *Мы можемъ отрицать признакъ P у предмета только, когда утверждаемъ у него признакъ N, исключающій P.* Въ этомъ случаѣ мы опять имѣемъ силлогизмъ:

N исключаетъ P, несовмѣстимо съ P (положеніе несовмѣстимости).
S есть N (малая посылка).

S не есть P (выводное отрицательное сужденіе).

Мы обычно не замѣчаемъ, что при отрицательныхъ сужденіяхъ мы имѣемъ дѣло съ выводомъ. Причина этого заключается въ томъ, что выводъ этотъ является чѣмъ-то въ высокой степени для насъ привычнымъ и поэтому совершается настолько быстро и механично, что не доходитъ до сознанія. Большія посылки отрицанія, положенія о несовмѣстимости въ родѣ того, что красное не можетъ быть бѣлымъ, являясь несомнѣнными до трюизма, выпадаютъ, какъ ненужныя звенья въ психологическомъ теченіи мыслей, и мы сразу отъ воспріятія крас-

ѣта предмета переходимъ къ сужденію: „онъ не бѣлаго цвѣта“.
[illegible]
омъ противъ его силлогистической природы въ логическомъ
и. Звенья, ненужныя психологически, въ реальномъ теченіи
нужны логически, для обоснованности, для доказанности мысли.
мъ образомъ отрицательныя сужденія въ нашей логикѣ бы-
ухъ родовъ: во-первыхъ—большія посылки отрицанія (красное
бѣло

наго цвѣ
Но эта
аргумент
отношені
мыслей, н
Таки
ваютъ дв
не есть

Вотъ тутъ-то и начинается воображаемая логика. Ея методъ заключается въ построеніи иного отрицанія, чѣмъ наше, въ обобщеніи понятія отрицательнаго сужденія. Два момента заключаетъ въ себѣ отрицательное сужденіе—S не есть P. Первый формальный: отрицательное сужденіе высказываетъ ложность утвердительнаго: „S есть P“. Второй матеріальный: отрицательное сужденіе основывается на несовмѣстимости предикатовъ, оно есть или положеніе о несовмѣстимости или выводъ изъ такого положенія. Оба эти момента нужно строго различать. Формальный моментъ говоритъ о томъ, что истинность отрицательнаго сужденія влечетъ за собой признаніе ложности утвердительнаго, но онъ оставляетъ открытымъ вопросъ, на какомъ основаніи можемъ мы приходить къ истинности отрицательныхъ сужденій. На это и даетъ отвѣтъ матеріальный моментъ. Поэтому формальный моментъ говоритъ о свойствахъ отрицанія, матеріальный моментъ объ основаніи для отрицанія. Мы можемъ, сохранивъ формальный моментъ, измѣнить матеріальный и тогда получимъ иное отрицаніе.

У насъ только утвердительное сужденіе о предметахъ и фактахъ непосредственно, т. е. основано на воспріятіи и ощущеніи, отрицательное же всегда выводное.

Такъ происходитъ дѣло въ нашемъ мірѣ и въ нашей логикѣ. *Но предположимъ иной міръ, гдѣ отрицательныя сужденія будутъ такими же непосредственными, какъ непосредственны у насъ утвердительныя сужденія, гдѣ самый опытъ безъ всякаго вывода убѣждаетъ насъ въ томъ, что S не есть P.* Подобныя сужденія продолжали бы быть отрицательными, ибо они сохраняли бы формальное свойство нашего отрицательнаго сужденія объявлять утвердительное ложнымъ. Но это отрицаніе было бы отличнымъ отъ нашего, ибо оно основывалось бы на непосредственномъ воспріятіи, а не на положеніяхъ о несовмѣстимости и выводахъ изъ нихъ, оно имѣло бы другой матеріальный моментъ. Другими словами въ нашемъ мірѣ непосредственное воспріятіе даетъ только одинъ видъ сужденія—утвердительный; можно предположить такой логическій міръ и такую логику, гдѣ непосредственное воспріятіе порождаетъ два вида сужденія: утвердительный и отрицательный.

Но тогда возможно, что въ какомъ-нибудь объектѣ совпадутъ заразъ основанія и для утвердительнаго и для отрицательнаго сужденія. Это невозможно для нашей аристотелевой логики въ силу связи между отрицаніемъ и несовмѣстимостью, связи, которая раз-

рывается для воображаемой логики. Поэтому воображаемая логика, логика съ инымъ отрицаніемъ будетъ свободна отъ закона противорѣчія. Впослѣдствіи мы дадимъ гипотетическую интерпретацію этого иного отрицанія и покажемъ, какими свойствами долженъ былъ бы обладать міръ, чтобы въ немъ возможно было это „иное отрицаніе". Тогда станетъ ясно и самое понятіе этого иного отрицанія. Но сейчасъ мы должны оставаться въ чисто логической области, не прибѣгая ни къ какимъ дополнительнымъ гипотезамъ. Для того, чтобы вести нить разсужденій въ самомъ общемъ видѣ, мы ближе не опредѣляемъ отрицанія воображаемой логики. Это есть сужденіе, объявляющее ложнымъ утвердительное, но не основанное на несовмѣстимости. Это есть какое угодно отрицаніе, кромѣ нашего. Введеніе такого „иного отрицанія" и равносильно отбрасыванію закона противорѣчія.

Во избѣжаніе недоразумѣній нужно сейчасъ же отграничить отбрасываемый законъ противорѣчія отъ другого положенія, которое съ нимъ смѣшиваютъ и которое нельзя отбросить. Это послѣднее положеніе мы назвали бы *закономъ абсолютнаго различія истины и лжи* и дали бы ему слѣдующую формулировку. *„Одно и то же сужденіе не можетъ быть заразъ истиннымъ и ложнымъ"*. Отбросить это положеніе нельзя, ибо тотъ, кто отбросилъ бы это положеніе, — тотъ, кто бы сталъ смѣшивать истинное съ ложнымъ, пересталъ бы вообще разсуждать логически. Поэтому это положеніе сохраняетъ свою силу и для воображаемой логики.

Обычно не различаютъ закона противорѣчія отъ закона абсолютнаго различія истины и лжи, считаютъ, что это различныя формулировки одного и того же закона, закона противорѣчія. Такимъ образомъ и возникъ извѣстный споръ о формулировкѣ закона противорѣчія.

Двѣ главныя формулы существуютъ для закона противорѣчія. Одна Кантовская: „Ни одной вещи не принадлежитъ предикатъ, противорѣчащій ей" (Критика Чистаго Разума. Переводъ Лосскаго, стр. 124). Съ этой формулировкой совпадаетъ и смыслъ данной нами формулировки закона противорѣчія.

Другая формула изложена Зигвартомъ [1]) такъ: „оба сужденія, А есть В и А не есть В, не могутъ быть въ одно и то же время истин-

[1]) Первая формулировка обычно называется Канто-Лейбницевской, вторая Аристотелевой.

ными". Такъ какъ для Зигварта отрицательное сужденіе „А не есть В" есть высказываніе ложности утвердительнаго „А есть В", то ясно, что онъ своей формулировкой закона противорѣчія запрещаетъ одновременно принимать сужденіе—А есть В въ утвердительномъ высказываніи: „А есть В" и отвергать сужденіе—А есть В въ отрицательномъ высказываніи „А не есть В", т. е., что онъ говоритъ, именно, о законѣ абсолютнаго различія истины и лжи.

Не трудно видѣть, что законъ противорѣчія и законъ абсолютнаго различія истины и лжи вовсе не двѣ формулировки одного и того же закона, а два совершенно различные закона [1]). Законъ абсолютнаго различія истины и лжи обращается къ познающему субъекту и запрещаетъ ему противорѣчить самому себѣ, указываетъ, что истинное сужденіе всегда истинно, а ложное всегда ложно и что поэтому онъ не можетъ одно и то же сужденіе объявлять то истиннымъ, то ложнымъ. Этимъ закономъ запрещается самопротиворѣчіе, повелѣвается послѣдовательность самому себѣ, согласованность въ утвержденіяхъ познающаго субъекта. Поэтому этотъ законъ можно было бы назвать *закономъ несамопротиворѣчія.*

Напротивъ того законъ противорѣчія обращается къ міру, къ объектамъ и говоритъ, что въ нихъ не могутъ осуществляться противорѣчія, что ни въ одной вещи не могутъ быть соединены противорѣчащіе предикаты, не могутъ существовать заразъ основанія для утвердительнаго и отрицательнаго сужденія. Этотъ законъ изгоняетъ противорѣчія изъ міра, какъ первый изгоняетъ его изъ субъекта. *Законъ противорѣчія имѣетъ объективное значеніе, а законъ абсолютнаго различія истины и лжи—субъективное* [2]). Поэтому ясно,

---

[1]) Неясные намеки на это имѣются у Зигварта. „Не требуется долгаго разсужденія, что Кантъ говоритъ о чемъ-то совершенно иномъ, нежели это имѣлось въ виду первоначальнымъ закономъ противорѣчія". Логика, переводъ Давыдова. Томъ I, стр. 163. Болѣе выпукло это различіе выступаетъ у Шпира.

[2]) Вскрытіе двусмысленности традиціоннаго закона противорѣчія и различеніе двухъ законовъ вмѣсто одного поможетъ намъ разобраться въ проблемѣ, которой за послѣднее время много занимались въ Россіи. Мы имѣемъ въ виду проблему, сохраняютъ ли свое значеніе логическіе законы и въ частности законъ противорѣчія для міра умопостигаемаго, напримѣръ, для міра вещей въ себѣ. Извѣстно, что проф. Введенскій и Лапшинъ рѣшаютъ эту проблему въ отрицательномъ смыслѣ; по ихъ мнѣнію, примѣненіе закона противорѣчія къ умопостигаемому міру становится весьма и весьма проблематичнымъ.

Однако все зависитъ отъ того, какой изъ этихъ двухъ законовъ мы имѣемъ въ виду. Если мы имѣемъ въ виду законъ противорѣчія, то, конечно, этотъ законъ

что можно, не нарушая закона абсолютнаго различія между истиной и ложью или закона несамопротиворѣчія, нарушать или отбрасывать законъ противорѣчія. Если я буду утверждать, что этотъ NN есть заразъ и человѣкъ и не человѣкъ, то я, конечно, нарушу законъ противорѣчія, но, если я это всегда буду утверждать и буду твердо стоять на своемъ, не противорѣча самому себѣ, то я отнюдь не нарушу закона абсолютнаго различія истины и лжи. Поэтому воображаемая логика, вся построенная на отрицаніи закона противорѣчія, нигдѣ не нарушаетъ закона абсолютнаго различія истины и лжи. Она нигдѣ не противорѣчитъ себѣ и представляетъ изъ себя систему, лишенную самопротиворѣчій.

Законъ абсолютнаго различія истины и лжи не только не отвергается воображаемой логикой, но напротивъ того лежитъ въ основѣ ея. Мы видѣли, что отрицаніе воображаемой логики характеризуется тѣмъ, что оно обосновывается фактически, непосредственно, какъ утвердительное сужденіе. Пусть фактъ a есть основаніе утвердительнаго сужденія „S есть A“, а фактъ b есть основаніе отрицательнаго сужденія „S не есть A“. Отношеніе между фактами a и b не есть отношеніе несовмѣстимости, какъ у насъ. Поэтому вполнѣ возможенъ такой случай, что факты a и b будутъ существовать совмѣстно. Что произойдетъ въ этомъ случаѣ? Въ силу факта a истинно утвердительное сужденіе „S есть A“; въ силу факта b оно ложно. Съ другой стороны въ силу факта a ложно отрицательное сужденіе „S не есть A“, въ силу факта b оно истинно. Итакъ въ этомъ случаѣ оба сужденія и утвердительное и отрицательное оказываются заразъ и истинными и ложными. Но это какъ разъ и запрещается закономъ абсо-

---

теряетъ свою силу для умопостигаемаго міра, ибо онъ свою силу черпаетъ изъ опыта, изъ опытомъ удостовѣреннаго существованія несовмѣстимыхъ предикатовъ и дѣйствительно несомнѣненъ только для міра опыта. Вещь же въ себѣ, Божество, мы можемъ разсматривать, какъ соединеніе противорѣчащихъ предикатовъ, какъ coincidentia oppositorum, и этотъ взглядъ не разъ встрѣчался въ исторіи философіи.

Однако законъ абсолютнаго различія истины и лжи, законъ несамопротиворѣчія сохраняетъ свою силу и тогда, когда мы разсуждаемъ относительно умопостигаемаго міра. Въ Богѣ быть могутъ соединены противорѣчащіе предикаты, но въ нашихъ утвержденіяхъ относительно Бога не можетъ быть самопротиворѣчія. Если я разъ сказалъ: „вѣрно, что къ Божеству непримѣнимъ законъ противорѣчія“, я не могу потомъ сказать: „ложно, что къ Божеству непримѣнимъ законъ противорѣчія“.

Плохимъ философомъ былъ бы тотъ, кто бы оправдывалъ самопротиворѣчія своей метафизики тѣмъ, что дѣло касается умопостигаемаго міра. Человѣкъ долженъ быть послѣдовательнымъ въ своихъ утвержденіяхъ, какъ относительно эмпирическаго, такъ и относительно умопостигаемаго міра.

лютнаго различія истины и лжи. Поэтому для случая совмѣстнаго существованія фактовъ a и b должно существовать третье сужденіе, которое и будетъ истиннымъ для этого случая. *Эту третью форму сужденія, выражающую наличность въ объектѣ S противорѣчія, совпаденія въ немъ основаній для утвердительнаго и отрицательнаго сужденія, мы будемъ называть сужденіемъ противорѣчія или лучше сужденіемъ индифферентнымъ и будемъ обозначать такъ: S есть и не есть A заразъ.* Въ случаѣ воображаемой логики, при введеніи иного отрицанія, чѣмъ наше, сужденія по качеству дѣлятся не на двѣ формы, какъ у насъ, на утвердительную и отрицательную, а на три: утвердительную „S есть A“, отрицательную „S не есть A“ и индифферентную „S есть и не есть A заразъ“. Какъ у насъ въ каждомъ случаѣ истинно или утвердительное или отрицательное сужденіе, такъ и въ воображаемой логикѣ въ каждомъ данномъ случаѣ истинна одна изъ 3-хъ формъ: или утвердительная или отрицательная или индифферентная. *Это и есть главнѣйшая особенность воображаемой логики. Она сводится къ тройному дѣленію сужденій по качеству и къ введенію наряду съ утвердительнымъ и отрицательнымъ новаго сужденія—сужденія индифферентнаго.*

Отсюда вытекаютъ и другія особенности. У насъ утвердительное сужденіе ложно въ случаѣ истинности отрицательнаго сужденія. Въ воображаемой логикѣ утвердительное сужденіе ложно и въ случаѣ истинности отрицательнаго и въ случаѣ истинности индифферентнаго сужденія. *Отрицательное сужденіе воображаемой логики становится только одной изъ двухъ формъ, объявляющихъ утвердительное сужденіе ложнымъ.* Вообще каждая изъ этихъ формъ утвердительная, отрицательная или индифферентная ложна, когда истинна какая-нибудь изъ двухъ остальныхъ.

На этомъ основномъ пунктѣ воображаемой логики, возможности индифферентнаго сужденія, т. е. сужденія, не подчиняющагося закону противорѣчія, слѣдуетъ остановиться нѣсколько подробнѣе. Мы дали чисто логическое доказательство такой возможности, черезъ обобщеніе понятія отрицательнаго сужденія и введеніе иного отрицанія, чѣмъ наше. Но это же самое можетъ быть показано и гносеологическимъ путемъ, черезъ уясненіе себѣ природы закона противорѣчія и его познавательнаго значенія.

Законъ противорѣчія есть законъ эмпирическій и реальный. Эмпирическій, потому что онъ сводится къ факту существованія несовмѣстимыхъ предикатовъ въ нашемъ мірѣ, къ факту, который можетъ

быть удостовѣренъ только опытомъ. Если бы не было несовмѣстимыхъ предикатовъ, не было бы нашего отрицанія, а значитъ не былъ бы вѣренъ и законъ противорѣчія. „А не есть non А“ вѣрно только потому, что есть въ нашемъ мірѣ предикаты несовмѣстимые съ А, и эти предикаты мы называемъ non А. Законъ противорѣчія есть сокращенная формула, содержащая въ себѣ безчисленные факты въ родѣ того, что красное несовмѣстимо съ синимъ, бѣлымъ, чернымъ и т. д., тишина несовмѣстима съ шумомъ, покой съ движеніемъ и т. д. Всѣ же эти конкретныя несовмѣстимости могутъ быть констатированы только опытомъ.

Законъ противорѣчія есть законъ реальный, ибо онъ обращается не къ мыслямъ, а къ реальности, не къ сужденіямъ, а къ объектамъ. Онъ гласитъ, что въ реальности не можетъ быть противорѣчія, что извѣстныя качества не могутъ быть соединены въ объектахъ. Красный предметъ не можетъ быть синимъ, кругъ не можетъ быть квадратомъ— всѣ эти положенія, которыя вытекаютъ изъ закона противорѣчія, суть высказыванія относительно краснаго предмета, круга, все это положенія, характеризующія эти объекты.

Въ противоположность этому формальные законы мысли обращаются только къ мысли, а не къ реальности, къ сужденіямъ, а не къ объектамъ. Они суть законы сужденій и только сужденій. Въ полной противоположности съ эмпирической измѣнчивостью вещей, законъ тожества устанавливаетъ логическое постоянство понятій, т. е. частей сужденія. Онъ является закономъ сужденія и совершенно ничего не говоритъ объ объектахъ. Точно также только о сужденіи, а не объ объектахъ говорятъ законъ абсолютнаго различія истины и лжи и законъ достаточнаго основанія, и поэтому ихъ строго нужно различать отъ тѣхъ реальныхъ законовъ, которые легко съ ними смѣшать. Формальный законъ сужденія—законъ достаточнаго основанія: „каждое сужденіе должно быть обосновано“ нужно различать отъ реальнаго закона причинности: „каждое явленіе должно имѣть причину“. Формальный законъ: „сужденія не должны противорѣчить другъ другу“ нужно различать отъ реальнаго закона: „въ предметахъ нѣтъ противорѣчія“. *Такимъ образомъ реальный законъ противорѣчія относится къ формальному закону обсолютнаго различія истины отъ лжи совершенно такъ же, какъ реальный законъ причинности къ формальному закону достаточнаго основанія.* Мы видѣли, что можно отрицать законъ противорѣчія, не отрицая закона абсолютнаго различія истины и лжи. Такъ точно отрицаніе причиннаго закона не освобождаетъ отъ

власти закона достаточнаго основанія. Индетерминизмъ есть отрицаніе всеобщей значимости закона причинности, но и онъ долженъ быть обоснованъ и доказанъ по закону достаточнаго основанія.

Разъ законъ противорѣчія есть эмпирическій и реальный законъ, то мы можемъ мыслить и безъ него, и получимъ тогда воображаемую логику. *Вѣдь на эмпирическомъ основаніи я могу строить по произволу какіе угодно воображаемые объекты и воображаемыя науки.* Я могу создать кентавровъ [1]), сиренъ, грифовъ и воображаемую зоологію, могу создать утопіи—воображаемую соціологію, могу создать воображаемую исторію—Uchronie, какъ это сдѣлалъ Ренувье. Эмпирическіе и реальные законы говорятъ о дѣйствительномъ, но противоположное имъ всегда мыслимо.

Въ подтвержденіе даннаго нами анализа закона противорѣчія мы можемъ сослаться на проф. Введенскаго. Этотъ авторъ учитъ, что законъ противорѣчія есть естественный законъ нашихъ представленій, такъ какъ противорѣчіе непредставимо. Мышленіе само по себѣ свободно отъ подчиненія этому закону, потому что мыслить противорѣчіе мы въ состояніи. Такъ мы въ состояніи мыслить, хотя и не въ состояніи представить круглый квадратъ, тріединаго Бога. Мышленіе одчиняется этому закону, какъ нормѣ, когда мы стремимся согласовать мышленіе съ представленіями, для которыхъ законъ противорѣчія есть естественный законъ.

Изъ этой теоріи проф. Введенскаго, которая кажется намъ правильной, идея воображаемой логики должна вытекать, какъ неминуемое слѣдствіе. Ибо изъ нея слѣдуетъ, что когда мы не будемъ согласовать мышленіе съ представленіями, а будемъ мыслить воображаемый міръ, міръ иныхъ представленій, то мы можемъ мыслить безъ закона противорѣчія, можемъ мыслить противорѣчіе. Всякая актуальная мысль всегда выражается въ сужденіи. Поэтому мыслить противорѣчіе это и значитъ образовать особое сужденіе противорѣчія или индифферентное сужденіе рядомъ съ утвердительнымъ и отрицательнымъ сужденіемъ.

III.

Теперь намъ нужно только показать, что съ этой новой формой сужденія—сужденіемъ индифферентнымъ—мы можемъ оперировать ло-

[1]) Съ другой стороны фантазія образовывала эти воображаемые объекты, какъ разъ нарушая законъ противорѣчія и соединяя въ одинъ объектъ несовмѣстимые предикаты, напримѣръ человѣка и лошадь.

гически, что оно можетъ входить, какъ составная часть въ логическія умозаключенія; намъ нужно показать, что въ случаѣ отбрасыванія закона противорѣчія остаются логическія правила и логическіе законы,—и тогда наша задача показать, что возможна воображаемая логика, будетъ выполнена. Гдѣ есть сужденія и умозаключенія, подчиненныя строгимъ правиламъ, гдѣ есть различіе между истиннымъ и ложнымъ, тамъ мы должны говорить объ логикѣ, хотя бы эти правила не были похожи на наши.

Итакъ, покажемъ, что въ случаѣ свободы отъ закона противорѣчія остается возможность умозаключенія и получаются логическія правила.

Мы предполагаемъ, что все осталось совершенно такимъ же, какъ въ нашемъ мірѣ и въ нашей логикѣ. Познающій субъектъ и познаваемая реальность. Внутренній и внѣшній міръ. Ощущенія, дающія факты и познаніе фактовъ въ понятіяхъ и правилахъ. Наконецъ мы должны мыслить фактъ языка или какой-нибудь другой символизаціи логическихъ операцій. Мы должны далѣе мыслить познающаго субъекта, съ такимъ же дискурсивнымъ устройствомъ интеллекта, какъ нашъ. Мы должны принимать всѣ основныя логическія категоріи: факта, понятія, сужденія, вывода. Мы должны мыслить сохранившимися логическіе законы тожества, абсолютнаго различія истины и лжи, закона достаточнаго основанія. Измѣнилось только одно: отрицательныя сужденія основываются не на несовмѣстимости.

Ученіе о сужденіи.

„Опытъ несомнѣнно есть первый продуктъ, который производитъ нашъ разсудокъ, когда онъ перерабатываетъ грубый матеріалъ чувственныхъ впечатлѣній“—эти начальныя слова Критики чистаго разума могутъ служить также и начальными словами воображаемой логики. Разсудокъ и въ ней строитъ сужденія изъ ощущеній, прежде всего сужденія объ единичномъ S. Предикатомъ этихъ сужденій будутъ тѣ ощущенія, которыя посылаются въ сознаніе даннымъ S. *Это будутъ единичныя сужденія, и съ нихъ начинается воображаемая логика такъ же, какъ и наша. Только въ воображаемой логикѣ они могутъ быть 3-хъ родовъ, какъ и всѣ вообще сужденія. Они могутъ быть утвердительными, отрицательными и индифферентными* (если въ данномъ единичномъ S совпали основанія для утвердительнаго и отрицательнаго сужденія—данное S есть и не есть P заразъ).

Затѣмъ разсудокъ строитъ понятіе S, классъ S и переходитъ къ

сужденіямъ о понятіи, о классѣ S. Процессъ познанія закончился, и познающій знаетъ 1) или, что всѣ единичныя S обладаютъ предикатомъ P, и строитъ общее утвердительное сужденіе или 2) онъ знаетъ, что всѣ S не суть P, и строитъ общеотрицательное сужденіе, или наконецъ 3) онъ знаетъ, что всѣ единичныя S заразъ суть и не суть P, и строитъ общеиндифферентное сужденіе. Таковы 3 вида такъ называемыхъ общихъ сужденій, и разъ сужденіе воображаемой логики общее, то оно будетъ одного изъ этихъ 3-хъ видовъ.

Можетъ случиться, что не всѣ S обладаютъ однимъ какимъ-нибудь предикатомъ, и тогда получаются *акцидентальныя сужденія*, которыя могутъ быть 4-хъ видовъ. Акцидентальное сужденіе 1-го вида получается въ тѣхъ случаяхъ, когда одни S суть P, а всѣ остальныя не суть P. Акцидентальное сужденіе 2-го вида получается въ тѣхъ случаяхъ, когда одни S суть P, а всѣ остальныя заразъ суть и не суть P. Акцидентальное сужденіе 3-го вида получается въ тѣхъ случаяхъ, когда одни S не суть P, а всѣ остальныя суть и не суть P заразъ. Наконецъ, послѣдній случай: акцидентальное сужденіе 4-го вида, когда одни S суть P, другія не суть P, а всѣ остальныя суть и не суть P заразъ. *Вотъ этими 7 случаями: 3 такъ называемыми общими и 4 акцидентальными исчерпываются всѣ возможные случаи, когда мы разсматриваемъ отношеніе класса S къ предикату P.*

Кромѣ этихъ формъ сужденія нужно отмѣтить еще подготовительныя или исключающія формы.

Въ нашей логикѣ высказываніе ложности утвердительнаго сужденія равносильно отрицательному сужденію, а высказываніе ложности отрицательнаго равносильно утвердительному сужденію. Не то въ воображаемой логикѣ. Въ ней высказываніе ложности утвердительнаго сужденія исключаетъ утвердительное сужденіе, но оставляетъ вопросъ открытымъ, какое изъ двухъ сужденій истинно, отрицательное или индифферентное. Точно также и высказываніе ложности отрицательнаго сужденія исключаетъ отрицательное, но оставляетъ колебаніе между утвердительнымъ и индифферентнымъ сужденіемъ. Совершенно также и въ случаѣ ложности индифферентнаго сужденія. Это можетъ быть представлено въ слѣдующей таблицѣ.

Исключающія формы:

1) Форма искл. утверд. сужд.=ложн. утвер. сужд.=колеб. между отриц. и инд. сужд.
2) Форма искл. отриц. сужд.=ложн. отриц. сужд.=колеб. между утверд. и инд. сужд.
3) Форма искл. индиф. сужд.=ложн. индиф. сужд.=колеб. между утверд. и отр. сужд.

Эти исключающія формы будемъ называть также подготовительными, ибо онѣ представляютъ изъ себя начало познавательнаго процесса, колебаніе между двумя возможностями, выборъ между которыми долженъ быть сдѣланъ, для того чтобы познавательный процессъ закончился. Поэтому эти формы представляютъ изъ себя нѣкоторую аналогію съ неопредѣленными сужденіями нашей логики, съ формами „Нѣкоторые, а можетъ быть всѣ S суть P“. Эта форма тоже исключаетъ, объявляетъ ложнымъ обще-отрицательное сужденіе „Всѣ S не суть P“, но оставляетъ колебаніе между общимъ сужденіемъ: „Всѣ S суть P“ и частнымъ: „Только нѣкоторые S суть P“ [1]).

Эти исключающія формы играютъ очень важную роль въ воображаемой логикѣ, особенно въ ученіи о conversio сужденій, но останавливаться на нихъ я не могу за недостаткомъ времени.

Такимъ образомъ ученіе о сужденіи въ воображаемой логикѣ предстанетъ въ общихъ чертахъ въ такомъ видѣ.

По качеству сужденія дѣлятся на 3 вида: утвердительныя, отрицательныя и индифферентныя.

По количеству они дѣлятся на единичныя и сужденія о классѣ или понятіи, которыя могутъ быть или общія или акцидентальныя, соотвѣтствующія нашимъ частнымъ.

Кромѣ этого существуютъ исключающія формы, аналогичныя нашимъ неопредѣленнымъ сужденіямъ.

Такимъ образомъ въ дѣленіи сужденій по качеству прибавляется новая рубрика индифферентныхъ сужденій, а въ дѣленіи сужденій по количеству сохраняются тѣ же рубрики, какъ и въ нашей.

Ученіе о силлогизмѣ.

Перейдемъ теперь къ ученію о силлогизмѣ въ нашей логикѣ и займемся для краткости, главнымъ образомъ, первой фигурой. *Принципъ силлогизма 1-ой фигуры не зависитъ отъ закона противорѣчія.* Въ самомъ дѣлѣ, это ясно уже изъ того, что законъ противорѣчія выражаетъ отношеніе между утвердительнымъ и отрицательнымъ сужденіемъ, а въ 1-ой фигурѣ возможны чисто утвердительные модусы. Такимъ является, напримѣръ, основной модусъ 1-ой фигуры—Barbara.

Въ Barbara не входитъ отрицаніе, и поэтому законъ, выражающій отношеніе между утвержденіемъ и отрицаніемъ, не оказываетъ влія-

[1]) Объ этомъ подробнѣе въ моей статьѣ „О частныхъ сужденіяхъ, о треугольникѣ противоположностей, о законѣ исключеннаго четвертаго“. Ученыя Записки Казанскаго университета, 1910, октябрь.

нія на этотъ модусъ. Впрочемъ это только предварительное замѣчаніе, самая же независимость силлогизма 1-ой фигуры отъ закона противорѣчія будетъ ясна тогда, когда будетъ показана возможность заключенія по 1-ой фигурѣ въ логикѣ свободной отъ закона противорѣчія.

Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что въ логикѣ свободной отъ закона противорѣчія могутъ быть общія сужденія и между прочимъ общеиндифферентныя. *Если мы въ первой фигурѣ возьмемъ общеиндифферентное сужденіе большой посылкой, а утвердительное сужденіе малой посылкой, то мы получимъ заключеніе по первой фигурѣ.* Мы будемъ имѣть такой силлогизмъ.

Всѣ M суть и не суть P заразъ
S есть M
Слѣдовательно S есть и не есть P заразъ

Этотъ индифферентный выводъ такъ же обязателенъ, какъ и наши выводы по 1-й фигурѣ: утвердительный и отрицательный. Каковъ смыслъ малой посылки „S есть M“? Смыслъ ея въ томъ, что всѣ сужденія, истинныя относительно M, истинны относительно S. Когда мы мыслимъ „Цезарь—человѣкъ“, мы мыслимъ, что все, истинное относительно человѣка, истинно и относительно Цезаря. Человѣкъ безсмертенъ, безсмертенъ и Цезарь. Въ нашей логикѣ относительно M могутъ быть истинны только утвердительныя и отрицательныя сужденія, а поэтому и выводъ относительно S можетъ быть только утвердительнымъ или отрицательнымъ. Въ логикѣ безъ закона противорѣчія относительно M можетъ быть истинно индифферентное сужденіе: „M есть и не есть P заразъ“ и разъ S есть M, мы принудительно должны заключить „S есть и не есть P заразъ“. Если въ понятіи M заключается противорѣчіе, а S субсумируется подъ это понятіе, то и S должно обладать этимъ противорѣчіемъ. Если всему классу M свойственно противорѣчіе, то, само собой разумѣется, оно свойственно и тому S, которое входитъ въ этотъ классъ.

Логическую правомѣрность индифферентнаго модуса 1-й фигуры и индифферентнаго заключенія можно доказать путемъ reductio ad absurdum. Мы имѣемъ силлогизмъ.

Всѣ M суть и не суть P заразъ
Всѣ S суть M
Закл. Всѣ S суть и не суть P заразъ.

Можно показать, что если мы откажемся сдѣлать это заключеніе, то мы будемъ вынуждены противорѣчить сами себѣ, т. е. нарушать

законъ абсолютнаго различія истины и лжи, и что поэтому мы обязаны дѣлать это заключеніе.

Откинемъ заключеніе: „Всѣ S суть и не суть P заразъ“, объявимъ его невѣрнымъ. Тогда мы должны сдѣлать два предположенія: 1) нѣкоторые, а можетъ быть всѣ S суть P; 2) нѣкоторые, а можетъ быть всѣ S не суть P. Въ самомъ дѣлѣ, въ каждомъ данномъ случаѣ истинно или утвердительное или отрицательное или индифферентное сужденіе, и разъ мы отказываемся отъ индифферентнаго сужденія, мы должны колебаться между утвердительнымъ и отрицательнымъ. Взявъ эти предположенія большими посылками, а малыми малую посылку доказываемаго силлогизма, мы получимъ два силлогизма нашей обыкновенной третьей фигуры съ среднимъ терминомъ S.

Disamis (для утверд. предполож.)	Bocardo (для отриц. предполож.)
Нѣк., а можетъ быть всѣ S суть P	Нѣк., а можетъ быть всѣ S не суть P
Всѣ S суть M	Всѣ S суть M
Закл. нѣк. M суть P	Нѣк. M не суть P

Но оба эти заключенія объявляютъ невѣрной большую посылку доказываемаго силлогизма, приписывая нѣкоторымъ M утвердительный и отрицательный предикатъ, тогда какъ она всѣмъ M приписываетъ индифферентный предикатъ. Поэтому мы въ доказываемомъ силлогизмѣ должны сдѣлать индифферентное заключеніе, ибо иначе мы придемъ въ противорѣчіе сами съ собой.

Въ случаѣ же если мы возьмемъ малую посылку индифферентной, то у насъ не получается никакого вывода, какъ онъ не получается въ нашей логикѣ, если мы возьмемъ въ 1-й фигурѣ малую посылку отрицательной. Точно также не получается вывода, если мы возьмемъ большую посылку единичной или акцидентальной или исключающей формой, большая посылка должна быть непремѣнно общей. *Такимъ образомъ въ воображаемой логикѣ сохраняется общее формальное правило 1-й фигуры: большая посылка должна быть общей, а малая утвердительной. Число же модусовъ фигуры измѣняется: къ четыремъ модусамъ нашей логики (двумъ утвердительнымъ и двумъ отрицательнымъ) присоединяются еще два индифферентныхъ* (Mindalin—общеиндифферентный и Kindirinp—частно индифферентный).

Общеиндифферентный.	Частно индифферентный.
Всѣ M суть и не суть P заразъ	Всѣ M суть и не суть P заразъ
Всѣ S суть M	Нѣк. S суть M
Всѣ S суть и не суть P	Нѣк. S суть и не суть P

Такимъ образомъ въ воображаемой логикѣ 1-я фигура имѣетъ 6 модусовъ. Другихъ модусовъ не можетъ быть, и браковка невозможныхъ модусовъ воображаемой логики производится пріемами, аналогичными нашимъ и только болѣе сложными.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на симметрію, которая существуетъ въ 1-й фигурѣ. Перемѣняя въ большой посылкѣ утвердительныхъ модусовъ Barbara и Darii утвердительное качество сужденія на отрицательное, мы получаемъ отрицательные модусы Celarent и Ferio; перемѣняя его на индифферентное, получаемъ индифферентные модусы Mindalin и Kindirinp.

2-я фигура. Любопытная вещь оказывается при разсмотрѣніи 2-й фигуры. Въ ней воображаемая логика не только не прибавляетъ новыхъ модусовъ, но въ ней и старые модусы: Cesare, Camestres, Festino, Baroco не даютъ однозначнаго заключенія. *Единственное, что можно вывести по 2-й фигурѣ въ воображаемой логикѣ, это только то, что заключеніе не можетъ быть утвердительнымъ.* Такъ какъ въ воображаемой логикѣ, кромѣ утвердительныхъ, могутъ быть отрицательныя и индифферентныя сужденія, то и остается нерѣшеннымъ на основаніи 2-й фигуры, какимъ будетъ заключеніе, отрицательнымъ или индифферентнымъ. Формальное правило 2-й фигуры воображаемой логики таково: 1) обѣ посылки должны быть разнаго качества (утвердительная и отрицательная, или утвердительная и индифферентная или отрицательная и индифферентная); 2) большая посылка должна быть общей.

Заключеніемъ будетъ всегда исключающая форма, а именно форма, исключающая утвердительныя сужденія.

Доказательства всѣхъ этихъ свойствъ 2-й фигуры очень сложны и требуютъ предварительнаго изложенія многихъ спеціальныхъ теоремъ воображаемой логики. Поэтому я опущу эти доказательства.

3-я фигура. Въ третьей фигурѣ сохраняются 6 модусовъ нашей логики и прибавляется 3 новыхъ индифферентныхъ модуса. И тутъ наблюдается та же симметричность, которую мы замѣтили въ 1-й фигурѣ. Если въ утвердительныхъ модусахъ нашей 3-й фигуры перемѣнить качество большой посылки изъ утвердительнаго на отрицательное, то получаемъ соотвѣтственно изъ утвердительныхъ модусовъ: Darapti, Disamis, Datisi отрицательные модусы: Felapton, Bocardo, Ferison. Если перемѣнить качество большой посылки на индифферентное, тогда получаемъ соотвѣтственно индифферентные модусы.

1) (изъ Darapti)

Всѣ M суть P и не суть P заразъ
Всѣ M суть S

Закл. нѣк. S суть и не суть P заразъ

2) (изъ Disamis)

Нѣкот. M суть и не суть P заразъ
Всѣ M суть S

Закл. нѣк. S суть и не суть P заразъ

3) (изъ Datisi)

Всѣ M суть и не суть P заразъ
Нѣкот. M суть S

Закл. нѣкот. S суть и не суть P заразъ.

Итакъ въ 3-й фигурѣ воображаемой логики будетъ 6 нашихъ модусовъ и 3 новыхъ (индифферентныхъ), а всего 9, но остается и для нея въ силѣ формальное правило 3-й фигуры: меньшая посылка должна быть утвердительной.

Эта различная судьба первой и третьей фигуры сравнительно со второй въ воображаемой логикѣ кажется намъ лишнимъ доказательствомъ правильности той теоріи проф. Каринскаго, которая рѣзко отдѣлила выводы первой и третьей фигуры отъ выводовъ второй.

Обобщеніе понятія воображаемой логики. Понятіе воображаемой логики можетъ еще болѣе расшириться. Наша воображаемая логика знаетъ утвердительныя, отрицательныя и индифферентныя сужденія. Но можетъ возникнуть вопросъ, не мыслима ли логика съ бблышимъ числомъ качественныхъ различій сужденія, чѣмъ эти три вида. Это вполнѣ мыслимо. Какъ Спиноза представлялъ себѣ Бога съ безконечнымъ числомъ аттрибутовъ, изъ которыхъ намъ доступны только два: мышленіе и протяженіе, такъ мы можемъ мыслить логическія системы съ какимъ угодно числомъ качественныхъ различій сужденія, изъ которыхъ намъ доступны только два: утвердительное и отрицательное.

Мы можемъ мыслить логическую систему съ n видами качественныхъ различій сужденія и такую систему мы будемъ называть логической системой n-го порядка или n измѣреній. Сообразно съ этимъ обозначеніемъ наша земная логика будетъ системой 2-го порядка или 2-хъ измѣреній, воображаемая логика безъ закона противорѣчія будетъ системой 3-го порядка или 3-хъ измѣреній.

Совершенно аналогично этому геометрія на плоскости будетъ геометріей 2-хъ измѣреній, а геометрія въ пространствѣ будетъ геометріей 3-хъ измѣреній. Но мы можемъ мыслить, хотя и не можемъ себѣ представить, пространство 4-хъ и больше, напр., n измѣреній и геометрію 4... n измѣреній. Такъ мы можемъ мыслить логику n измѣ-

реній, или n-го порядка, хотя представить ее наглядно не въ состояніи. Но мы не только можемъ ее мыслить, мы въ состояніи даже обобщать нѣкоторыя логическія формулы для случая логики n измѣреній. Разъ мы мыслимъ, что наше пространство 3-хъ измѣреній, мы должны 1) мыслить эти 3 измѣренія и 2) мыслить, что четвертаго измѣренія нѣтъ. Наоборотъ существо на плоскости мыслило бы 1) два измѣренія, 2) мыслило бы, что 3-го нѣтъ. Вообще для того, чтобы мыслить пространство n измѣреній, нужно мыслить 1) n измѣреній и 2) мыслить, что n+1 измѣренія нѣтъ.

Такъ и въ логической системѣ n'аго порядка или n измѣреній мы должны мыслить 1) всѣ эти n формъ качественныхъ различій между сужденіями, 2) что n+1-й формы не существуетъ. Безъ этого второго условія у насъ будетъ увѣренность, что существуетъ n формъ сужденія, но никогда не будетъ увѣренности, что существуетъ только n формъ. Для такой увѣренности долженъ существовать *спеціальный законъ исключенной n+1-й формы: логическая система съ n качественными видами сужденія предполагаетъ, что n+1 форма невозможна.* Это есть чистый законъ мысли, пригодный для всѣхъ логическихъ системъ.

Поэтому частными случаями этого закона исключенной n+1-й формы будутъ законы исключеннаго третьяго, четвертаго и т. д., которые существуютъ въ различныхъ логическихъ системахъ. Такъ въ нашей воображаемой логикѣ безъ закона противорѣчія долженъ существовать спеціальный законъ исключеннаго 4-го, который гласитъ, что кромѣ утвердительныхъ, отрицательныхъ и индифферентныхъ сужденій нѣтъ 4-го вида сужденій. Безъ этого закона наша воображаемая логика перестала бы быть замкнутой и разсужденія въ ней стали бы невозможными. Этимъ закономъ исключеннаго 4-го мы уже пользовались ранѣе, напр., при доказательствѣ отъ противнаго общеиндифферентнаго модуса 1-й фигуры.

Теперь намъ слѣдуетъ остановиться на отношеніи между закономъ исключеннаго третьяго и закономъ противорѣчія. Съ помощью метода воображаемой логики можно установить это отношеніе, и это будетъ примѣромъ пользы этого метода для рѣшенія вопросовъ нашей аристотелевой логики. Законъ противорѣчія запрещаетъ намъ образовывать третью форму сужденія, но опредѣленную третью форму сужденія, а именно, соединеніе утвержденія и отрицанія—противорѣчіе. Законъ исключеннаго третьяго шире, онъ запрещаетъ всякую третью форму сужденія, независимо отъ ея происхожденія, а въ числѣ

другихъ значитъ и противорѣчіе. *Такимъ образомъ законъ противорѣчія есть частный случай и слѣдствіе изъ закона исключеннаго третьяго*, а не обратно, какъ это думали многіе.

На этомъ мы должны прервать изложеніе воображаемой логики. Конечно, воображаемая логика не ограничивается тѣмъ, что было нами изложено. Ея содержаніе простирается такъ же далеко, какъ и содержаніе нашей логики, и всѣ главы и рубрики нашей логики мы встрѣтимъ и въ логикѣ воображаемой. Можно изложить воображаемую логику въ видѣ такой же полной и законченной системы логическихъ правилъ, какъ наша. Но мы не будемъ долѣе утруждать этимъ читателя. Наша цѣль сейчасъ вовсе не въ томъ, чтобы дать систему воображаемой логики — это составитъ задачу совсѣмъ другого труда, а въ томъ, чтобы показать самый принципъ, на которомъ она построена. Для этого, пожалуй, достаточно и того немногаго изъ всего содержанія воображаемой логики, что было нами изложено. И на этомъ немногомъ видно, что воображаемая логика сохраняетъ принудительность умозаключеній и строгость логическихъ правилъ.

IV.

Мы должны остановиться нѣсколько подробнѣе на аналогіяхъ между неаристотелевой логикой и неевклидовой геометріей. Я не буду здѣсь касаться исторіи воображаемой или неевклидовой геометріи. Скажу только, что мысль о ней лелѣялъ еще знаменитый математикъ Гауссъ. Предложена же она была независимо другъ отъ друга Лобачевскимъ въ Россіи и Боліаи въ Венгріи. Лобачевскій отбросилъ 5-й постулатъ Евклида объ обязательномъ пересѣченіи двухъ прямыхъ линій, если онѣ при пересѣченіи съ третьей даютъ сумму внутреннихъ угловъ меньше двухъ прямыхъ. Судьба этого положенія въ высокой степени поучительна. Отъ Евклида до Лобачевскаго безчисленное число остроумнѣйшихъ математиковъ тщетно старались доказать это положеніе. Предлагались самыя разнообразныя доказательства этого положенія, но всѣ они основывались на какомъ-нибудь новомъ положеніи, которое въ свою очередь не имѣло доказательства. Значитъ, это были не доказательства постулата, а замѣны его какимъ-нибудь эквивалентнымъ постулатомъ. Въ первой половинѣ XIX вѣка Лобачевскій и Боліаи независимо другъ отъ друга рѣшили посмотрѣть, что произойдетъ, если отбросить этотъ постулатъ, если выводить геометрическія положенія, замѣнивъ его другимъ постула-

томъ [1]). Оказалось, что и безъ 5-го постулата возможна геометрія, строго доказательная и нигдѣ не приходящая къ самопротиворѣчіямъ, но это будетъ геометрія, частью похожая на нашу, частью различная съ ней. Въ нашей геометріи черезъ точку внѣ прямой можно провести только одну прямую линію, которая не пересѣчется съ этой прямой, въ геометріи Лобачевскаго такихъ линій можно провести безчисленное множество. Въ нашей геометріи сумма угловъ треугольника равна двумъ прямымъ, въ геометріи Лобачевскаго она всегда меньше двухъ прямыхъ и тѣмъ ближе къ двумъ прямымъ, чѣмъ меньше треугольникъ. Въ нашей геометріи есть подобные треугольники, такихъ нѣтъ въ геометріи Лобачевскаго. Зато въ обѣихъ геометріяхъ есть и общія положенія, это какъ разъ тѣ положенія, которыя въ нашей геометріи доказываются безъ помощи 5-го постулата.

Не трудно видѣть, что отношеніе неаристотелевой логики къ нашей логикѣ совершенно тожественно отношенію неевклидовой геометріи къ нашей геометріи. И неевклидова геометрія и неаристотелева логика—обѣ возникаютъ черезъ откидываніе аксіомы, обѣ представляютъ изъ себя замкнутыя системы, не приводящія нигдѣ къ самопротиворѣчіямъ, хотя обѣ постоянно противорѣчатъ здравому смыслу, непосредственной интуиціи. Поэтому одна изъ нихъ можетъ называться логикой съ тѣмъ же правомъ, съ какимъ другая называется геометріей. Какъ неевклидова геометрія, такъ и неаристотелева логика частью схожи, частью различны съ нашей геометріей и нашей логикой. Мы можемъ выдѣлить общую часть евклидовой геометріи и геометріи Лобачевскаго, это какъ разъ тѣ положенія нашей геометріи, которыя не зависятъ отъ 5-го постулата. Такъ точно можно собрать всѣ положенія, которыя общи обѣимъ логикамъ, реальной и воображаемой, это будутъ всѣ тѣ положенія, которыя въ нашей реальной логикѣ не зависятъ отъ закона противорѣчія. Эти общія положенія обѣихъ логикъ должны быть отдѣлены отъ тѣхъ спеціальныхъ положеній нашей реальной логики, которыя отграничиваютъ ее отъ воображаемой. Затѣмъ отъ внимательнаго читателя не ускользнула, я думаю, большая сложность неевклидовой геометріи по сравненію съ евклидовой и неаристотелевой логики по сравненію съ нашей аристотелевой. Поэтому мы можемъ сказать въ общемъ видѣ, что принятыя нами системы геометрическихъ и логическихъ положеній суть

[1]) Впослѣдствіи были построены и другія воображаемыя системы геометріи. Такова, напримѣръ, система геометріи Римана.

наиболѣе простыя изъ возможныхъ. Это обстоятельство должно быть очень важнымъ для теоріи познанія, вокругъ него открывается цѣлый рядъ интересныхъ проблемъ, входить въ которыя сейчасъ нѣтъ возможности.

Далѣе и содержаніе неаристотелевой логики находится въ нѣкоторой аналогіи съ содержаніемъ неевклидовой геометріи. Наша геометрія знаетъ двоякое отношеніе двухъ прямыхъ линій между собой на плоскости: 1) или двѣ линіи пересѣкаются или 2) онѣ не пересѣкаются, т. е. параллельны между собой. Въ геометріи Лобачевскаго такое отношеніе будетъ троякимъ. Мы сохранимъ для этихъ отношеній терминологію Лобачевскаго въ его „Новыхъ началахъ геометріи“ [1]). Двѣ линіи на плоскости будутъ или 1) сводныя, когда онѣ пересѣкаются, 2) разводныя, когда онѣ не пересѣкаются, или 3) параллельныя, которыя представляютъ изъ себя границу, отдѣляющую сводныя линіи отъ разводныхъ. Такихъ параллельныхъ линій къ каждой данной прямой будетъ двѣ. „Двѣ параллельныя къ данной“, говоритъ Лобачевскій (Собр. соч. I, стр. 301), „раздѣляютъ плоскость на 4 части: въ двухъ противоположныхъ заключаются сводныя линіи, въ двухъ остальныхъ разводныя линіи“. Линіи разводныя и параллельныя составляютъ вмѣстѣ классъ несводныхъ или невстрѣчныхъ линій, ибо онѣ не пересѣкаютъ данную прямую. Другими словами геометрія Лобачевскаго въ классѣ несводныхъ линій различила разводныя и параллельныя линіи, каковое различеніе невозможно въ геометріи Евклида, гдѣ вмѣсто этого одинъ классъ параллельныхъ линій. Если мы теперь обратимся къ логикѣ, то увидимъ, что въ нашей аристотелевой логикѣ можетъ быть двоякое отношеніе предиката къ субъекту: или 1) утвердительное или 2) отрицательное. Въ воображаемой логикѣ такое отношеніе будетъ троякимъ: или 1) утвердительнымъ, или 2) отрицательнымъ, или 3) индифферентнымъ. Классъ отрицательныхъ сужденій нашей логики, т. е. классъ сужденій, объявляющихъ утвердительное сужденіе ложнымъ, распался въ воображаемой логикѣ на отрицательныя и индифферентныя сужденія.

Въ этомъ формальная аналогія содержанія неевклидовой геометріи и неаристотелевой логики: *дихотомія нашей логики и нашей геометріи переходитъ въ трихотомію воображаемыхъ дисциплинъ.*

На этомъ однако не оканчиваются аналогіи между неевклидовой геометріей и неаристотелевой логикой.

---

[1]) *Н. И. Лобачевскій*, Собр. сочин. Томъ I, стр. 301.

Мы можемъ дать реальное истолкованіе для неевклидовой геометріи, можемъ найти въ нашемъ евклидовомъ пространствѣ образованія, геометрія которыхъ будетъ неевклидовой. Такъ геометрія на шарѣ, на поверхности съ постоянной положительной кривизной, сферическая геометрія будетъ реальнымъ истолкованіемъ геометріи Римана. Реальнымъ истолкованіемъ геометріи Лобачевскаго будетъ геометрія на поверхности съ постоянной отрицательной кривизной, на такъ называемой псевдосферѣ [1]), какъ это показалъ итальянскій математикъ Бельтрами. Такъ точно можно найти въ нашемъ мірѣ образованія, логика которыхъ будетъ аналогична воображаемой. Я говорю о понятіяхъ. Если бы мы стали строить чистую логику понятій, то мы бы увидѣли, что она различна отъ логики вещей. *Только къ воспріятіямъ и представленіямъ, только къ вещамъ и фактамъ примѣнимъ законъ исключеннаго третьяго.* Лампа горитъ или не горитъ; третьей возможности нѣтъ. Если мы субъектомъ сужденія возьмемъ вещь, фактъ, воспріятіе, представленіе и т. д., то любой предикатъ составитъ съ этимъ субъектомъ либо отрицательное, либо утвердительное сужденіе. Напротивъ того *къ понятіямъ законъ исключеннаго третьяго не примѣнимъ, а къ нимъ примѣнимъ законъ исключеннаго четвертаго.* Въ самомъ дѣлѣ, если мы субъектомъ сужденія возьмемъ понятіе, то любой предикатъ относится къ нему или такъ: 1) данный предикатъ необходимъ для даннаго понятія (напр. для треугольника его замкнутость), и это мы выражаемъ въ утвердительномъ сужденіи о понятіи (общеутвердительномъ классической логики), или такъ: 2) данный предикатъ невозможенъ для даннаго понятія (напр. для треугольника добродѣтель), и это мы выражаемъ въ отрицательномъ сужденіи о понятіи (общеотрицательномъ сужденіи классической логики), или такъ: 3) данный предикатъ совмѣстимъ съ даннымъ понятіемъ (напр. для треугольника равносторонность). Этотъ третій случай мы должны выражать въ особомъ акцидентальномъ сужденіи о понятіи. Понятіе S совмѣстимо съ предикатомъ P; S можетъ быть P. Треугольникъ можетъ быть равностороннимъ. Это сужденіе обладаетъ своей особой связкой, отличной отъ связки утвердительнаго и отрицательнаго сужденія. Кромѣ этихъ 3 сужденій дѣйствительно не можетъ быть четвертаго, и одно изъ нихъ истинно въ каждомъ данномъ случаѣ. Это и есть законъ исключеннаго четвертаго. Такимъ образомъ для вещей и представленій

[1]) Эта поверхность представляетъ изъ себя опредѣленную сѣдлообразную поверхность, модели которой могутъ быть приготовлены и репродукціи которой обычно помѣщаются въ книжкахъ по неевклидовой геометріи.

истинно одно изъ двухъ: или утвердительное или отрицательное сужденіе. Для понятій истинно одно изъ трехъ сужденій: либо утвердительное, либо отрицательное, либо акцидентальное. Законъ исключеннаго четвертаго, законъ воображаемой логики есть въ то же время и законъ нашей земной логики понятія. Индифферентное сужденіе воображаемой логики находитъ свое соотвѣтствіе въ акцидентальномъ сужденіи о понятіи: „S можетъ быть P“. Это послѣднее можно разсматривать, какъ своеобразный синтезъ утвержденія и отрицанія. Въ самомъ дѣлѣ, акцидентальное сужденіе—„S можетъ быть P“—„треугольникъ можетъ быть равностороннимъ“ эквивалентно такой формѣ: „нѣкоторые S суть P, нѣкоторые S не суть P“. „Нѣкоторые треугольники равносторонни, нѣкоторые нѣтъ“.

Вотъ поэтому-то и можно сказать, что *логика понятія аналогична воображаемой логикѣ* [1]).

---

[1]) Подробнѣе это развито въ моей статьѣ „О частныхъ сужденіяхъ“. Для большей ясности приведу оттуда главнѣйшіе выводы. I. Сужденія распадаются на сужденія о понятіяхъ (правила) и на сужденія о фактахъ. Эти виды сужденій имѣютъ каждый свою особую формальную логику. Такъ для сужденій о понятіи имѣютъ силу треугольникъ противоположностей и законъ исключеннаго четвертаго, для сужденій о фактѣ квадратъ противоположностей и законъ исключеннаго третьяго. II. Такъ называемыя общее, частное и единичное сужденія являются каждое формой двусмысленной, смотря по тому, будутъ ли они сужденіями о понятіи или о фактѣ. Единичное сужденіе можетъ быть 1) сужденіемъ о фактѣ, и тогда субъектомъ его будетъ представленіе, а связка подразумѣваетъ опредѣленный временной моментъ. Единичное сужденіе можетъ быть 2) сужденіемъ о правилѣ, тогда субъектомъ его будетъ единичное понятіе. Частное сужденіе можетъ быть 1) сужденіемъ о фактѣ—неопредѣленно-числовое сужденіе (нѣсколько фактическихъ S суть P), 2) сужденіемъ о правилѣ (нѣкоторые (не всѣ) S суть P), которое будетъ сужденіемъ общимъ и можетъ быть представлено или въ дизъюнктивной формѣ (каждое S или есть P или не есть P) или въ акцидентальной (S можетъ быть P), 3) неопредѣленнымъ сужденіемъ (нѣкоторые, а можетъ быть всѣ S суть P, которое представляетъ изъ себя скорѣе психологическую, чѣмъ логическую форму перехода отъ сужденія о фактѣ къ сужденію о правилѣ. Общія сужденія также могутъ быть или сужденіемъ о фактѣ или сужденіемъ о правилѣ. Сужденіе „Всѣ друзья покинули меня въ трудную минуту“ не выражаетъ никакого правила, есть сужденіе о группѣ моихъ друзей, есть сужденіе о фактѣ. Сужденіе „Всѣ друзья покидаютъ въ трудную минуту“ будетъ сужденіемъ о классѣ друзей, будетъ правиломъ.

III. Въ сущности нѣтъ частныхъ сужденій. Неопредѣленно числовое сужденіе есть сужденіе о группѣ, о всей данной группѣ. Акцидентальное сужденіе есть сужденіе о понятіи, о всемъ данномъ классѣ, есть несомнѣнное общее сужденіе. Неопредѣленное сужденіе вовсе не есть сужденіе, а только колебаніе между двумя гипотезами. Всѣ три вида такъ называемаго „частнаго сужденія“ оказались вовсе не частными сужденіями. Сужденія о понятіи и о фактѣ, сужденія объ единичномъ предметѣ.

Геометрія Лобачевскаго находитъ свою реальную интерпретацію въ геометріи псевдосферы, воображаемая логика въ логикѣ понятія. Но геометрія не ограничивается этимъ, она старается опредѣлить

группѣ или классѣ будуть сужденіями обо всемъ понятіи и обо всемъ фактѣ, о цѣломъ предметѣ, о цѣлой группѣ, о цѣломъ классѣ. Нѣтъ категоріи частности. Субъектъ всегда распредѣленъ въ сужденіи.

На мою статью появилась рецензія К. А. Смирнова въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1911, мартъ (вышла и отдѣльной брошюрой, кажется, подъ такимъ заглавіемъ „Н. А. Васильевъ и его законъ исключеннаго четвертаго"), по поводу которой я долженъ сказать нѣсколько словъ. Въ своей статьѣ я рѣзко разграничиваю сужденія о фактѣ отъ сужденій о понятіи или правилъ. Сужденія о фактѣ всегда implicite или explicite подразумѣваютъ опредѣленный моментъ времени и опредѣленное мѣсто въ пространствѣ, таково, напримѣръ, сужденіе „Я разбилъ лампу". Правила или сужденія о понятіи не подразумѣваютъ ни опредѣленнаго момента времени, ни опредѣленнаго мѣста въ пространствѣ, они сохраняютъ свою силу для всякаго времени и всякаго пространства. Сужденіе „Всѣ люди смертны" равносильно сужденію „Люди всегда и вездѣ смертны". Сужденіе о фактѣ передаетъ нѣчто существующее, фактъ, нѣчто, was ist. Сужденіе о понятіи передаетъ нѣчто значимое, правило, законъ, нѣчто, was gilt. Наоборотъ сужденіе о фактѣ не можетъ передавать закономѣрности, значимости, оно не имѣетъ силы за предѣлами той реальности, которую обозначаетъ. Въ свою очередь сужденіе о понятіи не можетъ передавать существованія, ибо оно передаетъ законъ, связь между двумя существованіями, а не само существованіе. Всякое существованіе имѣетъ всегда опредѣленное время и мѣсто, а сужденія о понятіи внѣвременны и внѣпространственны, и потому только внѣвременные и внѣпространственные законы или правила могутъ быть ихъ объектами. Поэтому нужно строго различать сужденія о фактѣ и сужденія о понятіи. Что касается до акцидентальныхъ сужденій типа „S можетъ быть P", лампа можетъ быть разбита, то ясно, что это сужденіе должно быть отнесено къ правиламъ. Вѣдь это сужденіе не связано съ опредѣленнымъ моментомъ времени и пространствомъ, оно высказывается о всякой лампѣ, о классѣ лампъ, о понятіи лампы.

Это такъ ясно, что съ этимъ согласенъ и К. А. Смирновъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ на стр. 152 пишетъ: „дѣйствительно, въ то время какъ многія изъ правилъ имѣютъ видъ аналитическихъ сужденій и, слѣдовательно, являются сужденіями о понятіяхъ, какъ таковыхъ, примѣромъ чему можетъ служить любая изъ геометрическихъ или вообще математическихъ теоремъ (ср. стр. 25); другія имѣютъ видъ сужденій дизъюнктивныхъ (или акцидентальныхъ) и вовсе не отличаются такою опредѣленностью и логическимъ совершенствомъ". На страницѣ 153 также „многія правила все же остаются до сихъ поръ на степени дизъюнктивныхъ или акцидентальныхъ сужденій". Значитъ и для К. А. Смирнова акцидентальныя сужденія суть правила. Какъ же согласовать съ этимъ его утвержденіе на стр. 150 (сравни также стр. 151). „Прежде всего и главнымъ образомъ нельзя согласиться съ отнесеніемъ авторомъ акцидентальныхъ сужденій къ сужденіямъ о понятіяхъ, а не къ сужденіямъ о фактахъ". Я очень бы желалъ узнать у К. А. Смирнова, что же такое сужденіе акцилентальное. есть ли оно сужденіе о фактѣ или правило. Если акцидентальное сужденіе есть сужденіе о фактѣ, то оно подразумѣваетъ опредѣленный временный моментъ, если же оно правило, то оно не подразумѣваетъ такого момента.

условія, при какихъ воображаемая геометрія стала бы реальной геометріей пространства. Можно показать, что такимъ условіемъ можетъ быть просто физическая структура нашей вселенной. Знаме-

---

Критикуя меня, К. А. Смирновъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой и поэтому въ одномъ мѣстѣ относитъ сужденіе акцидентальное къ сужденіямъ о фактѣ, а въ другомъ къ правиламъ, но ясно, что оно не можетъ быть заразъ и тѣмъ и другимъ.

Вообще соединеніе противорѣчивыхъ утвержденій, кажется, любимый логическій пріемъ К. А. Смирнова. Такъ на стр. 149 онъ обвиняетъ меня въ отожествленіи сужденій о понятіи съ правилами, а на страницѣ 154 въ неясномъ разграниченіи сужденій о понятіи отъ правилъ. Если бы я это дѣлалъ одновременно, то я былъ бы повиненъ въ противорѣчіи, но, такъ какъ я этого не дѣлалъ и К. А. Смирновъ меня въ противорѣчіи не обвиняетъ, то, повидимому, онъ серьезно думаетъ, что можно въ одно и то же время отожествлять и неясно разграничивать.

Перехожу къ другой сторонѣ критической дѣятельности К. А. Смирнова, которая очень непріятно меня поразила. К. А. Смирновъ упрекаетъ меня въ томъ, что я, будто бы, дѣлаю критеріемъ логики языкъ. На стр. 151 онъ пишетъ: „авторъ совершенно неосновательно полагаетъ, что «логика всегда должна остерегаться быть менѣе точной, чѣмъ языкъ» стр. 22“.

Цитата изъ моей статьи приведена невѣрно, а именно вставлено слово „всегда“, котораго въ моей статьѣ нѣтъ. Въ данномъ случаѣ эта ошибка тѣмъ прискорбнѣе, что она совершенно исказила смыслъ цитаты. Если выбросить это произвольно вставленное слово „всегда“ и привести всю фразу, откуда взята эта цитата, то получимъ слѣдующее: „этой точности различеній языка соотвѣтствуетъ дѣйствительное различіе мысли, и логика должна остерегаться быть менѣе точной, чѣмъ языкъ“. Мысль моя такова. Только тѣ различенія языка, которымъ соотвѣтствуютъ дѣйствительныя различія мысли, имѣютъ значеніе для логики, но, разъ имѣется такое соотвѣтствіе между языкомъ и логикой, то оно является *лишнимъ* аргументомъ въ пользу зафиксированія такого различія въ логикѣ. Это отношеніе напоминаетъ отношеніе между философіей и здравымъ смысломъ. Не всѣ положенія философіи принимаются здравымъ смысломъ, не всѣ истины здраваго смысла сохраняютъ свою силу для философіи; но, если какое-нибудь положеніе защищается и философіей и здравымъ смысломъ, то мы можемъ сослаться на это согласіе, какъ на *лишній* аргументъ въ пользу даннаго положенія, можемъ воскликнуть: философія должна остерегаться быть менѣе точной, чѣмъ здравый смыслъ. Вставивъ же слово „всегда“, К. А. Смирновъ придалъ моей мысли смыслъ, противоположный тому, какой она имѣла. Поэтому всѣ послѣдующія разсужденія К. А. Смирнова воюютъ не со мной, а съ его собственнымъ созданіемъ.

К. А. Смирновъ пишетъ: „такова, съ перваго взгляда очень стройная, новая логическая теорія Н. А. Васильева, но она къ сожалѣнію страдаетъ элементарными недостатками и по устраненіи ихъ рушится вся“ стр. 150. Не слишкомъ ли поспѣшилъ К. А. Смирновъ хоронить мою теорію; по крайней мѣрѣ рецензіи моей статьи въ Рѣчи 11-го октября 1910 года и въ Логосѣ № 2 совсѣмъ другого мнѣнія о моей теоріи. Что касается до рецензіи К. А. Смирнова, то предоставляю читателямъ судить послѣ всего вышеизложеннаго, не страдаютъ ли его аргументы „элементарными недостатками“ и не „рушится“ ли его критика вмѣсто моей теоріи.

нитый французскій физикъ, математикъ и философъ Пуанкаре прекрасно выясняетъ зависимость геометріи отъ физическаго устройства нашего міра (La science et l'hypothese. P. 84 — 87). Прежде всего онъ доказываетъ слѣдующее положеніе: если бы въ мірѣ было пространство и геометръ, одаренный такимъ же умомъ, какъ Евклидъ, но если бы въ этомъ мірѣ не было твердыхъ тѣлъ, то не было бы и геометріи. Затѣмъ Пуанкаре воображаетъ міръ въ видѣ шара съ температурой, равномѣрно убывающей отъ центра къ поверхности, и показываетъ, что въ такомъ мірѣ (предполагая еще опредѣленный законъ расширенія тѣлъ отъ дѣйствія теплоты) геометрія должна быть обязательно неевклидовой.

Точно также *можно показать, что при извѣстномъ устройствѣ міра или нашей ощущающей способности логика должна быть обязательно неаристотелевой.*

Нашъ міръ и наша ощущающая способность характеризуются тѣмъ, что всѣ наши ощущенія безъ исключенія положительны. Положительны и ощущенія отъ отрицательныхъ причинъ: тишина, темнота, покой, не менѣе, чѣмъ звукъ, движеніе, свѣтъ. Сами по себѣ тишина, покой, темнота такія же ощущенія, какъ звукъ, движеніе, свѣтъ, они имѣютъ свое собственное содержаніе и ничто въ нихъ не говоритъ объ ихъ отрицательной природѣ. Темнота есть специфическое ощущеніе темноты, а вовсе не ощущеніе отсутствія свѣта. Темнота становится отрицаніемъ свѣта только вторично, черезъ ихъ несовмѣстимость. Въ нашемъ мірѣ два положительныхъ ощущенія становятся взаимно отрицаніями другъ друга, когда между ними отношеніе несовмѣстимости. Поэтому отрицательность есть нѣчто внѣшнее ощущеніямъ, что присоединяется къ нимъ, если разсматривать ихъ въ отношеніи къ другимъ ощущеніямъ, но что несвойственно ощущеніямъ, если ихъ разсматривать изолированно. Красное само по себѣ есть извѣстное ощущеніе, и въ немъ нѣтъ ничего отрицательнаго; но, если мы сопоставимъ его съ бѣлымъ, то мы можемъ разсматривать его, какъ не бѣлое. Итакъ отрицаніе, отрицательный характеръ не есть свойства какихъ либо ощущеній, а есть отношеніе, которое раскрывается въ процессѣ сопоставляющей мысли. Сами по себѣ всѣ ощущенія положительны.

Но мы могли бы мыслить міръ съ отрицательными ощущеніями, чистыми non A, которыя бы имѣли одно содержаніе — быть отрицаніями A. Въ этомъ случаѣ отрицаніе входило бы въ природу ощущенія non A, а не было бы отношеніемъ, которое прибавляется сопоста-

вляющей мыслью. Мы могли бы мыслить чистыя ощущенія „не бѣлаго“ и только „не бѣлаго“ и ничего больше, которыхъ мы теперь не имѣемъ, ибо „не бѣлое“ значитъ для насъ красное, синее и т. д. Такое отрицаніе является абсолютнымъ отрицаніемъ въ отличіе отъ нашего отрицанія, которое является отношеніемъ и которое поэтому мы будемъ называть относительнымъ. Это различіе между абсолютнымъ и относительнымъ отрицаніемъ является строго логическимъ, и оно встрѣчается у различныхъ логиковъ, напр. у Больцано [1]). Если предположить въ мірѣ отрицательныя ощущенія, тогда чисто логическая концепція абсолютнаго отрицанія осуществится въ этомъ мірѣ, какъ реальность.

Итакъ мы предполагаемъ въ мірѣ двоякія ощущенія, типа A и типа non A. Когда отъ субъекта S мы имѣемъ ощущеніе A, то мы можемъ составить сужденіе „S есть A“. Когда мы имѣемъ ощущеніе non A, мы можемъ составить сужденіе „S не есть A“. Въ этомъ случаѣ, какъ и вообще въ случаѣ воображаемой логики, отрицательныя сужденія основываются непосредственно на ощущеніи. Теперь мы можемъ мыслить, что какой-нибудь объектъ S будетъ заразъ посылать намъ положительныя ощущенія A и отрицательныя non A. Это вполнѣ мыслимо, ибо въ мірѣ отрицательныхъ ощущеній отрицаніе возникаетъ независимо отъ несовмѣстимости съ положительнымъ ощущеніемъ, а, значитъ, можетъ и совмѣщаться съ нимъ. Разъ какой-нибудь объектъ S заразъ посылаетъ ощущенія A и non A, то мы должны составить индифферентное сужденіе „S есть и не есть A заразъ“. Такимъ образомъ въ случаѣ наличности отрицательныхъ ощущеній въ какомъ-нибудь мірѣ, логика этого міра должна была бы быть неаристотелевой.

Но можно было бы дать и нѣкоторыя другія интерпретаціи воображаемой логики. Такъ можно было бы дать такую интерпретацію. Допустимъ, что утвердительное сужденіе будетъ обозначать сходство двухъ явленій. Въ этомъ смыслѣ можно интерпретировать и утвердительное сужденіе нашей логики. Сужденіе „роза красна“, включеніе розы въ классъ красныхъ предметовъ выражаетъ ея сходство съ красными предметами. Затѣмъ допустимъ, что отрицательное сужденіе выражаетъ не несовмѣстимость, какъ у насъ, а различіе, абсолютное различіе, абсолютное несходство. Тогда ясно, что могли бы быть сужденія, заразъ выражающія сходство и несходство двухъ явленій, т.

---

[1]) Wissenschaftslehre Bd. I, § 89.

е. индифферентныя сужденія. Это и въ нашемъ мірѣ два сходныхъ предмета въ то же время и различны.

Только у насъ выработалась логика присутствія и отсутствія предикатовъ, т. е. логика двухъ измѣреній, а это была бы логика сходства, различія и соединеннаго сходства и различія, т. е. логика трехъ измѣреній—воображаемая логика.

Затѣмъ можно бы дать и такую интерпретацію.

Въ нашей логикѣ, утверждая, что S есть P, мы утверждаемъ все содержаніе понятія P, утверждаемъ и въ отдѣльности каждый изъ признаковъ P и всю ихъ совокупность. На этомъ основывается силлогизмъ Barbara (признакъ признака вещи есть признакъ вещи). Но, отрицая, что S есть P, объявляя это сужденіе ложнымъ, мы отрицаемъ только совокупность признаковъ P, взятыхъ коллективно, а изъ отдѣльныхъ признаковъ P мы отрицаемъ только нѣкоторые. Такъ, отрицая, что Колумбъ былъ первымъ европейцемъ, приплывшимъ въ Америку, мы не отрицаемъ, что онъ былъ европеецъ и что онъ приплылъ въ Америку. Въ сужденіи „собака не человѣкъ“ отрицается не все содержаніе понятія человѣкъ, напр. вовсе не отрицается, что собака млекопитающееся [1]).

Но можно создать концепцію абсолютно ложнаго и концепцію абсолютнаго отрицанія. Можно представить себѣ такое non A, которое бы не имѣло ни одного изъ признаковъ A. Если понятіе A состоитъ изъ признаковъ p. q. r. s...., тогда понятіе non A должно состоять изъ признаковъ non-q, non-r, non-s и т. д. Наряду съ этимъ можно мыслить сохранившимся и наше отрицаніе, которое отрицаетъ не всѣ признаки A, а только нѣкоторые.

Тогда опять въ каждомъ данномъ случаѣ было бы одно изъ трехъ: или 1) сужденіе S есть A было бы истинно или оно было бы ложно, и тогда оно могло бы быть или 2) абсолютно ложнымъ, такъ что у S нѣтъ ни одного признака A, или 3) просто ложнымъ, такъ что отрицались бы только нѣкоторые признаки A.

Вообще мы можемъ или 1) утверждать всѣ признаки A, или 2) отрицать всѣ признаки A, или 3) нѣкоторые признаки утверждать, нѣкоторые отрицать. 1-й случай даетъ утвердительное сужденіе, 2-й случай абсолютное отрицаніе, 3-й случай наше отрицаніе. Всего будетъ три подраздѣленія сужденія по качеству.

---

[1]) Чтобы отрицать предикатъ у субъекта достаточно отрицать у субъекта хотя бы одинъ признакъ предиката.

Въ этомъ случаѣ классъ нашихъ отрицательныхъ сужденій или сужденій, объявляющихъ утвердительное сужденіе ложнымъ, распался бы на 2 класса: на сужденія объ абсолютной ложности и на сужденіе простой ложности утвердительнаго сужденія.

Долженъ замѣтить, что при обѣихъ послѣднихъ интерпретаціяхъ мы получаемъ воображаемую логику, но нѣсколько отличную отъ той, основныя линіи которой мы начертали въ этомъ очеркѣ. Такъ напр. не трудно видѣть, что при послѣдней интерпретаціи возможна 1-ая фигура силлогизма съ абсолютнымъ отрицаніемъ въ качествѣ малой посылки [1]). Я привелъ эти интерпретаціи, желая показать, какъ на разные лады можно видоизмѣнять смыслъ извѣстныхъ логическихъ операцій и получать благодаря этому самыя существенныя измѣненія логическихъ операцій.

Въ заключеніе я долженъ постараться заранѣе отвѣтить на нѣкоторыя недоумѣнія и возраженія, которыя возникаютъ естественно и которыя, навѣрное, мнѣ будутъ сдѣланы.

Можно мнѣ возразить такъ. „Вы ссылаетесь на возможность воображаемой геометріи. Однако воображаемая геометрія создается логикой. Чѣмъ же будетъ создаваться ваша воображаемая логика?“ На это отвѣчу: *логикой*. Въ логикѣ есть принципы, операціи, общія всѣмъ логикамъ вообще и возвышающіяся надъ отдѣльными логиками, воображаемыми и дѣйствительной. Не формальные законы мысли, а матеріальные дифференцируютъ единую логику на подчиненныя ей частныя, приводятъ къ различію отдѣльныхъ логикъ. Оперируя надъ различнымъ матеріаломъ, надъ различной матеріей познанія — несовмѣстимостью въ одномъ случаѣ, абсолютнымъ отрицаніемъ въ другихъ случаяхъ— формирующая мысль создаетъ и различныя логики. Происходитъ въ сущности то же самое, что съ зоологомъ и ботаникомъ, которые, оперируя при помощи одного и того же логическаго аппарата надъ различнымъ опытнымъ матеріаломъ, получаютъ различныя науки. *Логика въ такомъ видѣ, въ какомъ мы привыкли ее употреблять,*

---

[1]) Если понятіе A имѣетъ признаки p. q. r. s., то, какъ мы видѣли, абсолютное отрицаніе non A должно имѣть признаки non-p, non-q, non-r. Отсюда ясно, что мы можемъ составить такой силлогизмъ:

A есть p	большая посылка
S есть non A	малая посылка
S есть non p	заключеніе.

При этомъ формула „S есть non A“ напр. должна читаться такъ: „A абсолютно отрицается относительно S“.

полна эмпирическихъ элементовъ; это есть логика въ условіяхъ опыта; она приспособлена къ эмпиріи. На нашей логикѣ отразились, на нее повліяли основныя свойства нашего міра.

Но не слѣдуетъ думать, что все эмпирично въ нашей логикѣ, что все принадлежитъ міру и опыту и ничто нашему разсудку и нашей мысли. Прежде всего самая форма сужденія или вывода есть функція нашего разсудка, ибо въ природѣ есть предметы или ощущенія, какъ хотите, но нѣтъ сужденій или выводовъ. Значитъ, самая форма сужденій и вывода, т. е. самая сущность логическаго, сверхопытна и не почерпается изъ опыта и дѣйствительности. Затѣмъ также въ природѣ нѣтъ истиннаго и ложнаго. Различаетъ истину ото лжи только человѣкъ. Поэтому должны быть положенія, которыя вытекаютъ изъ самой формы сужденія и вывода и которыя чужды всякой эмпирической основы. *Вотъ эти сверхопытныя логическія положенія, логику, освобожденную отъ всякихъ опытныхъ элементовъ, я и предложилъ бы назвать металогикой.* Это названіе „металогики“ тѣмъ болѣе пригодно для этой науки, что она представляетъ полную формальную аналогію съ метафизикой. Метафизика есть познаніе бытія внѣ условій опыта. Металогика есть познаніе мысли внѣ условій опыта. Метафизика есть наука о чистомъ бытіи, есть отвлеченіе отъ міра явленій, есть познаніе того общаго, что имѣютъ эмпирическія вещи. Металогика есть наука о чистой мысли, есть отвлеченіе отъ всего эмпирическаго, что имѣется въ мысли. Міровъ можетъ быть много, но сущность бытія одна — такова предпосылка метафизики. Логикъ можетъ быть много, но у всѣхъ ихъ есть общее и единственное—металогика, наука о формальной сторонѣ мысли, о мысли, если отвлечься отъ всякаго содержанія мысли.

Поэтому только металогика есть формальная логика. Наша же такъ называемая формальная логика въ сущности таковой не является, ибо она не отвлекается вполнѣ отъ содержанія мысли. Такъ въ частности законъ противорѣчія есть матеріальный принципъ. Поэтому мы должны рѣзко противополагать другъ другу металогику и эмпирическую логику.

Можно дать и опредѣленія этимъ наукамъ. Металогика есть наука о сужденіи и выводѣ вообще. Эмпирическая логика есть наука о тѣхъ формахъ сужденія и вывода, которыя пригодны для нашего міра. Она построена сообразно съ основными свойствами нашего міра. Поэтому въ металогикѣ мы не познаемъ ничего, кромѣ мысли. Въ эмпирической логикѣ мы познаемъ также и основныя свойства нашего міра. Эмпири-

ческая логика есть сліяніе металогическаго и опытнаго, раціональнаго и эмпирическаго. Поэтому эмпирическая логика лежитъ въ основѣ всякаго земного разсужденія, ибо естествоиспытатель и представитель любой спеціальной науки ошибется, если будетъ разсуждать вопреки основнымъ свойствамъ нашего міра. Поэтому ученый обязанъ разсуждать и фактически разсуждаетъ по принципамъ металогики и эмпирической логики, философъ же можетъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ обязанъ разсуждать только по принципамъ металогики. Металогика представляетъ изъ себя извѣстный логическій минимумъ, то, что входитъ во всѣ возможныя логики, дѣйствительныя и воображаемыя, то, что дѣлаетъ логику логикой. Эмпирическая логика (а также любая изъ воображаемыхъ логикъ) богаче содержаніемъ, конкретнѣе, опредѣленнѣе; она содержитъ все металогическое+нѣчто свойственное только ей. Поэтому тотъ, кто разсуждаетъ по эмпирической логикѣ (или по любой воображаемой логикѣ), тотъ разсуждаетъ и по металогикѣ, но отнюдь не обратно.

У насъ есть средство отдѣлить положенія металогики отъ специфическихъ положеній эмпирической логики. Это методъ построенія воображаемой логики. Всѣ тѣ положенія, которыя могутъ быть отброшены и замѣнены другими, при чемъ логика остается, хотя бы и воображаемая, всѣ эти положенія относятся только къ эмпирической логикѣ. Всѣ тѣ положенія, которыя не могутъ быть отброшены безъ того, чтобы не исчезла самая возможность логическаго разсужденія, относятся къ металогикѣ. Такъ напр. законъ противорѣчія есть законъ эмпирической логики, законъ абсолютнаго различія истины и лжи— законъ металогики. Въ основѣ воображаемой логики лежитъ та же металогика, которая лежитъ въ основѣ эмпирической логики, и это обстоятельство и объясняетъ возможность построенія воображаемой логики. Металогика аналогична тѣмъ наиболѣе общимъ положеніямъ геометріи, которыя общи всѣмъ геометріямъ: евклидовой вмѣстѣ со всѣми воображаемыми, она соотвѣтствуетъ тому, что Боліаи называлъ абсолютной геометріей. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ болѣе подробно остановиться на методахъ и содержаніи металогики и на ея отличіи отъ эмпирической или нашей земной логики.

Не лишнимъ только будетъ отмѣтить теперь же, что слово „логика“ имѣетъ четыре смысла и можетъ обозначать четыре различныя дисциплины.

1) Оно можетъ обозначать нашу земную логику, аристотелеву логику, какъ мы называемъ ее въ противоположность воображаемой,

(неаристотелевой) или эмпирическую логику, какъ мы называемъ ее въ противоположность металогикѣ. Это и есть, конечно, первоначальный смыслъ слова.

2) Оно можетъ обозначать различныя системы воображаемыхъ логикъ. И онѣ являются такими же логиками, какъ и эмпирическая.

3) Оно можетъ обозначать металогику, какъ то общее, что заключается во всѣхъ логикахъ, какъ формальныя предпосылки всякой логики.

4) Наконецъ оно обозначаетъ и логику, какъ понятіе, какъ классъ, какъ родъ, по отношенію къ которому „логики“ въ первыхъ трехъ значеніяхъ будутъ видами и индивидами. Оно можетъ обозначать „логическое“ просто, все равно гдѣ, въ металогикѣ, въ эмпирической логикѣ или въ воображаемой логикѣ.

Не нужно думать, что воображаемая логика должна быть просто курьезомъ, игрой ума, не имѣющей никакого практическаго или теоретическаго значенія. Напротивъ того, думается мнѣ, воображаемая логика должна имѣть большое значеніе. Сейчасъ я буду кратокъ и только постараюсь отмѣтить самое существенное. Для всѣхъ занимающихся логикой не тайна, въ какомъ хаотическомъ состояніи находится сейчасъ ученіе о законахъ или принципахъ мышленія. Въ этой главѣ нѣтъ ничего установленнаго. Шопенгауэръ, напр., сводитъ всѣ логическіе законы къ двумъ: закону исключеннаго третьяго и закону достаточнаго основанія. Напротивъ Гартманъ оставляетъ одинъ только законъ противорѣчія, выводя изъ него всѣ остальные законы.

Другіе же мыслители какъ разъ обратно, законъ противорѣчія считаютъ только слѣдствіемъ изъ закона тожества; очень распространено признаніе несамостоятельности закона исключеннаго третьяго, напр. у Зигварта. Наиболѣе распространено мнѣніе, считающее всѣ 4 закона самостоятельными.

Затѣмъ не доказано, что въ основѣ нашей логики не лежатъ еще какіе-нибудь принципы, которые до сихъ поръ явно не формулированы. Въ возможности этого убѣждаетъ насъ примѣръ геометріи. Полное и систематическое установленіе аксіомъ геометріи было сдѣлано только въ послѣднее время Пашемъ, Гильбертомъ и др.; до нихъ многія несомнѣнныя аксіомы геометріи ускользали отъ ученыхъ.

Наконецъ особенно спорными и неустановившимися нужно считать формулировки логическихъ законовъ.

Такимъ образомъ оказывается, что въ ученіи о логическихъ аксіомахъ, которыя какъ аксіомы, казалось, должны были бы обладать

полной очевидностью и достовѣрностью, нѣтъ ничего очевиднаго и достовѣрнаго.

Для рѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ законами мышленія, и долженъ служить методъ построенія воображаемой логики, ибо этотъ методъ позволяетъ расчленить сложную и спутанную ткань „логическаго", гдѣ всѣ нити многократно переплетаются, соединяются, перекрещиваются, опутываютъ одна другую. Этотъ методъ даетъ возможность отдѣлить другъ отъ друга различные пласты „логическаго", прослѣдить важнѣйшія нити — основу ткани и ихъ взаимныя отношенія.

Другими словами при помощи этого метода, думается, можно вѣрнѣе опредѣлить 1) всѣ аксіомы и постулаты, лежащія въ основѣ логики, 2) дать всѣмъ имъ точныя формулировки, ибо, перечисливъ всѣ аксіомы, мы избѣгнемъ постояннаго смѣшенія различныхъ аксіомъ, 3) можно доказать, что всѣ найденныя аксіомы самостоятельны и не вытекаютъ одна изъ другой, ибо въ понятіе аксіомы или основоположенія входитъ, какъ непремѣнное условіе, признакъ самостоятельности, 4) можно выяснить, какія логическія операціи и положенія зависятъ отъ какой аксіомы (напр. если они устраняются съ ея устраненіемъ), 5) можно дать исчерпывающую классификацію или систему аксіомъ и постулатовъ логики.

Однимъ словомъ нужно въ логикѣ начать такой рядъ изслѣдованій, который уже произведенъ въ геометріи. Эти изслѣдованія можно называть аксіоматическими [1]).

Благодаря этимъ аксіоматическимъ изслѣдованіямъ возможно будетъ въ будущемъ опредѣлить всѣ аксіомы и постулаты, всѣ предпосылки логики. А для такихъ аксіоматическихъ изслѣдованій и долженъ служить методъ воображаемой логики. Устраняя законъ противорѣчія, мы устраняемъ и все то въ логикѣ, что отъ него зависитъ, и выдѣляемъ все то, что отъ него не зависитъ.

Также и къ рѣшенію другихъ логическихъ вопросовъ можетъ примѣняться методъ воображаемой логики. Мы уже видѣли, что его можно

---

[1]) Терминъ „аксіоматическое изслѣдованіе" ввелъ, кажется, Гильбертъ. Онъ говоритъ: „Подъ аксіоматическимъ изслѣдованіемъ математической истины я понимаю изслѣдованіе, которое стремится не къ тому, чтобы въ связи съ этой истиной открыть новыя или болѣе общія положенія, но которое стремится выяснить мѣсто этой истины внутри системы уже извѣстныхъ истинъ и ея логическія отношенія такимъ образомъ, чтобы было достовѣрно извѣстно, какія предположенія необходимы и достаточны для обоснованія этой истины". Grundlagen der Geometrie. 3-te Auflage 1909. S. 129. Сравни также объ аксіоматическомъ методѣ въ философіи: Nelson. Uber das sogenannte Erkenntnissproblem. 1908. S. 779.

примѣнить къ рѣшенію вопроса о 2-ой фигурѣ силлогизма и вопроса объ отношеніи между законами противорѣчія и исключеннаго третьяго. При помощи этого метода можно опредѣлить смыслъ и общій законъ conversio и рѣшить многіе вопросы, возникающіе при изученіи conversio. Сейчасъ можно ограничиться и этими примѣрами. Главное преимущество метода воображаемой логики заключается въ томъ, что такимъ путемъ законы и формулы нашей логики обобщаются, и мы можемъ получить логическіе законы въ самомъ общемъ видѣ.

Last not least и гносеологическое, а значитъ вообще и философское значеніе самаго факта воображаемой логики, самаго различія раціональнаго и эмпирическаго въ логикѣ. Но это такой вопросъ, котораго не стоитъ касаться мимоходомъ.

Я прекрасно сознаю, что защищаемая здѣсь мысль объ иной логикѣ противорѣчитъ тысячелѣтнему убѣжденію человѣчества и способна возбудить многочисленныя недоумѣнія и возраженія. Еще болѣе ясно для меня, что этотъ бѣглый очеркъ не въ состояніи разсѣять недоумѣнія, а можетъ породить еще новыя. Опубликовывая его, я руковожусь словами Канта: sehe ich es einer so schlüpfrigen Erkenntniss, wie das metaphysische ist, vor viel gemässer an, seine Gedanken zuvörderst der öffentlichen Prüfung darzulegen in der Gestalt unsicherer Versuche, als sie sogleich mit allem Ausputz von angemasster Gründlichkeit und vollständiger Ueberzeugung anzukündigen, weil als denn gemeiniglich alle Besserung von der Hand gewiesen und ein jedes Uebel, dass darin anzutreffen ist, unheilbar wird.

Н. Васильевъ.